

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ
ПЛАТФОРМ

М.В. Ларионова, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, д.полит.н., ORCID: 0000-0002-0403-0624, e-mail: larionova-mv@ranepa.ru

А.В. Шелепов, с.н.с. Центра исследований международных институтов РАНХиГС, к.э.н., ORCID: 0000-0002-0417-3780, e-mail: shelepov-av@ranepa.ru

Москва 2023

АННОТАЦИЯ

Объект исследования – проблемы регулирования деятельности цифровых платформ, связанные с аспектами защиты потребителя, противодействием антиконкурентным практикам, формированием предупредительного (ex ante) регулирования, межведомственным и международным сотрудничеством.

Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровые платформы действуют как частные регуляторы своих экосистем. Они устанавливают правила для пользователей, формируют бизнес-среду, контролируют исполнение правил и поведение участников экосистемы. Таким образом, цифровые платформы управляют поведением граждан и бизнеса, при этом, сами (до недавнего времени) не являясь объектом управления со стороны государства и общества.

Цель исследования – анализ основных вызовов, с которыми сталкиваются государства при формировании нового и существующего регулирования деятельности цифровых платформ. Предложена оценка основных проблем регулирования в части защиты потребителя, противодействия монопольному поведению платформ, выработки предупредительных мер и налаживания сотрудничества между государственными органами. По результатам исследования сформулированы **рекомендации** по совершенствованию регулирования деятельности цифровых платформ.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые платформы, ex ante регулирование, антимонопольное регулирование, БРИКС.

JEL classification codes: F52, F53, O38

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION (RANEPA)

WORKING PAPER

“Challenges of Digital Platforms Regulation”

M.V. Larionova, Director, Centre for International Institutions Research,
RANEPA, Doctor of Political Sciences, ORCID: 0000-0002-0403-0624, e-
mail: larionova-mv@ranepa.ru

A. V. Sheleпов, Senior Researcher. Центра исследований международных
институтов РАНХиГС, PhD in Economics, ORCID: 0000-0002-0417-3780,
e-mail: sheleпов-av@ranepa.ru

Moscow, 2023

Abstract

The working paper studies the problems of digital platforms regulation related to consumer protection, countering anti-competitive practices, designing preventive (ex-ante) regulations, interdepartmental and international cooperation.

The study is highly relevant since digital platforms act as private regulators of their ecosystems. They set rules for users, shape the business environment, control the implementation of rules and the behavior of ecosystem participants. Thus, digital platforms control the behavior of citizens and businesses, while they (until recently) have not been controlled by the state and society.

The working paper aims to analyze the main challenges that states face when shaping the new and extending the existing regulatory practices to digital platforms' activities. Based on the results of the study, the authors assess the main regulatory challenges related to consumer protection, countering the monopoly behavior of developing platforms, developing ex-ante measures, establishing cooperation between various government bodies and international cooperation. The authors conclude with recommendations for improving digital platforms regulation, taking into account the identified challenges.

Keywords: digital economy, digital platforms, ex-ante regulation? Antimonopoly regulation, BRICS

JEL classification codes: F52, F53, O38

Содержание

Введение	6
1 Проблемы защиты потребителя.....	7
2 Проблемы применения и адаптации конкурентного законодательства	9
3 Проблемы формирования нового регулирования с учетом особенностей функционирования цифровых платформ	14
4 Сотрудничество между различными органами.....	20
5 Вызовы трансграничного сотрудничества.....	22
Заключение.....	26
Список источников.....	29

Введение

Цифровые платформы действуют как частные регуляторы своих экосистем. Они устанавливают правила для пользователей, формируя бизнес-среду и контролируя поведение участников экосистемы. Речь идет о регулировании форматов предоставления информации о товарах и услугах, выборе и использовании программных интерфейсов, формировании рейтингов, регулировании доступа к генерируемой на платформе информации, определении политики конфиденциальности, обеспечении защиты данных, определении стандартов доставки и политики возврата продуктов, использовании ценовой политики и режима наибольшего благоприятствования. Экосистемы управляют поведением граждан и бизнеса, при этом до недавнего времени они не являлись объектом управления со стороны государства и общества. Управление платформами своими экосистемами стало центральным вопросом регулирования.

Аккумуляция данных в результате объединения сервисов, «выкачка данных» и утечка данных через приложения используются для монетизации и нарушают конфиденциальность пользователей. Существенную проблему представляет защита прав пользователя в результате дезинформации, распространения наносящего ущерб контента (harmful content) или незаконного ограничения доступа к онлайн контенту (unlawful restrictions on access to online content). Потребитель несет экономический и моральный ущерб, ущерб конфиденциальности, теряет время. На структурном уровне, в результате кумулятивного вреда наносится ущерб обществу и происходит нарушение условий конкуренции.

Несоблюдение устоявшихся правил является ключевой чертой деятельности цифровых платформ. По мнению некоторых экспертов, платформы являются «нарушителями» (disruptors) не только экономики, но и регулирования [1]. Регуляторам необходимо ориентироваться на фундаментальные характеристики платформ и бизнес-моделей, не рассматривая их как единую категорию, а также оценивать возможности применения существующего инструментария [2]. Трудности регулирования связаны с особенностями функционирования платформ, их разнообразием и транснациональным характером, необходимостью межведомственной и международной координации.

1 Проблемы защиты потребителя

Законодательство по защите потребителя зачастую не работает в отношении так называемых «серых» коммерческих схем онлайн. Платформы могут применять бизнес-практики, использующие элементы выбора цифровой архитектуры на интерфейсах онлайн-пользователей, которые наносят вред автономии пользователей, процессам принятия решения и выбора. Они обманывают, принуждают или манипулируют пользователями, нанося прямой и косвенный ущерб, который во многих случаях измерить сложно. Платформы в большей степени, чем обычные компании, могут контролировать архитектуру выбора, соответственно, они чаще используют серые коммерческие схемы. Через алгоритмы, оформление предложения, подсказки, выборы по умолчанию платформы модифицируют архитектуру выбора для потребителя [3].

Масштаб использования, технологический уровень и искусственный интеллект позволяют платформам влиять на поведение пользователя через такие практики, как вынужденные действия, например, по раскрытию данных; манипуляции с интерфейсом (включая скрытую рекламу); навязывание (nagging); препятствия (obstruction) проведению или завершению операции без выполнения навязанных действий, например, подписки; подкрадывание (sneaking), например, добавление платежей на разных этапах операции (drip pricing); подтверждение статуса (social proof), например, нотификация о других покупках; нагнетание срочности и др. манипуляции. Цифровые платформы используют большие данные, алгоритмы, прогностическую аналитику и машинное обучение для формирования заключений относительно пользователей, манипулируя и управляя их выбором.

Некоторые эксперты отрасли считают, что крупнейшие платформы должны нести особую ответственность за нейтральность архитектуры выбора [4], предлагают внедрять особые механизмы управления и надзора за платформами [5], вводить жесткие ограничения на отмену или сокращение настроек, защищающих пользователя (“consumertarian” default rules) [6]. Появляются предложения о необходимости прекращения практики высокорисковых заключений (high-risk inferences) и права на разумное заключение (“right to reasonable inferences”) [7], необходимости принятия ценностных принципов в контексте цифровых обществ, например суверенитета принятия решения и справедливости посредничества [8].

Таким образом, регулирование необходимо, прежде всего, для приложений и мобильных устройств, для крупных платформ и популярных сайтов электронной торговли.

Во многих юрисдикциях принято целевое законодательство по цифровым платформам с учетом их роли в цифровой экономике, с точки зрения масштаба доступа к данным и баланса сил в отношении потребителя. Такое регулирование включает негативные обязательства по избежанию серых схем и позитивные обязательства по обеспечению дружественной к потребителю архитектуры выбора, а также требования в отношении поведения платформ в части обеспечения прозрачности.

На практике, как правило, требуется обновление и сочетание инструментов законодательства по защите потребителя, законодательства по защите данных и конфиденциальности и принятие *ex ante* (заблаговременного) регулирования цифровых платформ (цифровых рынков). Так ЕС [9], США [10] и Великобритания [11] используют запрещение «вводящих в заблуждение и несправедливых действий». Некоторые юрисдикции дополняют это запретами конкретных практик и мерами стимулирования практик, обеспечивающих права потребителя (в частности, право выбора и защиты данных). ЕС и Великобритания, например, дополняют регулирование, основанное на общих принципах, списками запрещенных практик. Защита данных и конфиденциальность регулируются в рамках Общего регламента по защите данных ЕС и Акта по защите данных Великобритании 2018 г. Использование доминирующими компаниями «серых» схем (например, сбор данных выше определенного конкурентного уровня) регулируется через конкурентное законодательство.

Различия требований в юрисдикциях создают проблемы правоприменения и соблюдения прав пользователя. Модерация контента регулируется национальным законодательством, а платформы функционируют трансгранично. Ответственность, налагаемая на платформы, также различается. Например, раздел 230 Закона о пристойности в средствах массовой информации 1996 г. (US Communications Decency Act) ограничивает ответственность платформ за контент, публикуемый пользователями, и разрешает им модерировать его. В Германии Закон о правоприменении в сети (Network Enforcement Law (NetzDG)) требует от платформ – социальных СМИ удалять определенный вредный контент в течение ограниченного времени и может налагать штрафы за несоблюдение [12].

Можно констатировать следующие основные проблемы регулирования для защиты потребителя:

1. Требуется обновление и сочетание инструментов законодательства по защите потребителя, законодательства по защите данных и конфиденциальности, принятие *ex ante* регулирования цифровых платформ.
2. В регулировании, где применяется основанное на общих принципах запрещение и списки запрещенных практик, могут не упоминаться некоторые из «серых» схем. Соответственно, многие из подобных практик остаются за рамками регулирования.
3. Есть сложности разделения между добросовестными и недобросовестными практиками, существенную проблему составляет тонкая грань между нарушением и законной практикой.
4. Инструментарий платформ постоянно развивается, что требует мониторинга и существенных ресурсов со стороны регулятора.
5. Сочетание защиты данных, защиты потребителя и инструментов конкурентного регулирования требует регуляторного сотрудничества и плюрализма при выборе эффективных методов защиты потребителя.

Важно стимулирование платформ на продвижение дружелюбной архитектуры выбора (“bright patterns”), саморегулирования бизнеса, введение специальных обязательств для онлайн-платформ (этические кодексы) [13].

2 Проблемы применения и адаптации конкурентного законодательства

Исследования ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) показывают, что «ключевые концепции, принципы и экономические обоснования конкурентной политики остаются релевантными для цифровых рынков и хорошо работают для обеспечения динамики и инноваций. Неконкурентные горизонтальные слияния, соглашения между конкурентами и вертикальные ограничения наносят такой же вред на цифровых рынках, как и на традиционных. Более того, сетевые эффекты и эффекты масштаба усиливают ущерб. Многие регуляторные практики достаточно гибки, чтобы справляться с новыми теориями ущерба и уникальными характеристиками цифровых рынков» [14].

С учетом особенностей платформ и экосистем требуются корректировки регулирования. Прежде всего, требуется усиление контроля за слияниями и изменение правил нотификации для предупреждения неконкурентных поглощений нарождающихся конкурентов, усиление внимания к инновациям и динамике конкуренции, включение в законодательство по слияниям и оценку рисков цифровых аспектов, возложение обязательств по доказательству ненанесения вреда конкуренции на участников слияния, а также постоянный анализ прошедших решений по слиянию и их последствий для учета в будущих решениях.

Необходимо усиление правоприменения по случаям злоупотребления доминирующим положением и возложение на доминирующие компании обязательств демонстрации про-конкурентных эффектов поведения.

В интересах конкуренции регуляторам важно вести подготовку и разъяснения о специфических для цифровых рынков ситуациях. Требуется усиление цифровых инструментов и экспертизы конкурентных органов, включая создание специальных подразделений и выделение ресурсов, в том числе для выполнения исследований рынков с целью повышения осведомленности об особенностях функционирования и оценки потребности регуляторных изменений. Также с учетом трансграничной природы цифровых рынков важно усиление сотрудничества между конкурентными органами. Конкурентное регулирование должно учитывать особенности бизнес-моделей участников цифрового рынка и не должно становиться барьером для развития конкуренции и инноваций. Особенности злоупотребления доминирующим положением на цифровых рынках представляют сложности для оценки рисков доминирования и ущерба и соответственно выбора инструментов регулирования: требуется баланс между чрезмерным и недостаточным регулированием. Выбор, как правило, связан также с историческим и законодательным контекстом конкурентного права конкретной юрисдикции.

Конкурентная политика фокусируется на случаях длительного злоупотребления рыночной силой, включая недопущение на рынок новых компаний, приобретение конкурентов, информационную асимметрию, способность фирмы в одностороннем порядке поднимать или опускать цену выше конкурентного уровня. Инструменты анализа конкуренции должны адаптироваться к цифровому рынку, учитывать сетевые эффекты, особенности действия экстерналий, динамику инновационности, неценовую конкуренцию. Анализ рыночной силы должен учитывать отношения между сторонами экосистемы и между экосистемами.

Трудности связаны также с выявлением и оценкой такого поведения платформ, как межплатформенные паритетные соглашения, ценовые сговоры, сговоры по использованию алгоритмов, специальные механизмы координации, использование технологий блокчейн, персонализированное (несправедливое) ценообразование, злоупотребление монопольным положением для установления цены закупки (власть монополии), стратегии слияния и поглощения (конкурентов или потенциальных конкурентов), поглощение нарождающихся конкурентов, конгломерационные эффекты от слияний (изменение положения на смежном рынке).

Для выстраивания конкурентной политики на цифровом рынке важны выверенные оценки уровня концентрации рынка, злоупотребления доминированием и рыночной силой.¹ Сложившиеся законодательные и экономические инструменты для оценки злоупотребления доминирующим положением не всегда подходят для цифровых рынков, иногда более эффективны альтернативные инструменты [15].

Особенности цифровых рынков (крупные компании, многосторонность, взаимосвязанность, нулевая или минимальная цена, сетевые эффекты) могут приводить к ситуациям, когда доминирование становится более укорененным. Такое бизнес-поведение может быть как про-, так и антиконкурентным, эффекты могут меняться очень быстро, их трудно оценивать и прогнозировать. Проблемой является оценка последствий слияния компаний, работающих на разных рынках, оценка рисков доминирования и использования неконкурентных стратегий.

Существует два риска – недооценки и переоценки доминирования. Приняты два варианта подхода к оценке доминирующим положением: формализованный и основанный на оценке эффектов (*formalistic versus effects-based approach*). ЕС опирается на оценку эффектов. Европейская Комиссия опубликовала в 2009 г. приоритеты по правоприменению в части злоупотребления доминирующим положением, где подчеркивается важность оценки эффектов для конкуренции и благополучия потребителя. В 2017 г. Европейский Суд первой инстанции прояснил необходимость анализа эффектов. США также отходит от формализованного подхода. Различия в том, что приоритетом ЕС является сохранение равных условий для конкурентов, а для США приоритет – избежание поведения по сохранению или расширению монопольного положения, которое не может быть оправдано соображениями бизнеса или эффективности. Существует мнение, что ЕС защищает

¹ Доминирование – правовой термин, которые кодифицирует уровень рыночной силы, определяющий возможность поведения с рисками исключения или эксплуатации.

конкурентов, а США стремятся управлять рисками чрезмерного регулирования. Постепенно подходы сближаются.

На цифровых рынках учет факторов, влияющих на оценку эффектов, применение индикаторов и тестов доминирования, применение теорий ущерба имеют свои особенности. Например, оценка рисков доминирования должна учитывать такие факторы, как многосторонность рынков и влияние спроса различных групп потребителей на поведение других участников. Оценка увязывания продуктов должна принимать во внимание, что такие стратегии на цифровых рынках могут создавать преимущества для потребителя в результате снижения (кросс-субсидирования) цены и удобства использования.

На цифровых рынках также имеет особенность процесс выявления завышенных цен. Он может проявляться не в повышении цены, а в индивидуализированном ценообразовании или злоупотреблении (сбор данных, целевая реклама). На цифровых рынках требуется корректировать индикаторы рисков доминирования и применение теорий ущерба. На это направлены формирующиеся теории ущерба для цифрового рынка, в том числе теории использования доминирующего положения для извлечения выгоды из данных продавцов и покупателей, самопреференции (*abusive leveraging* или *self-preferencing*) или увязки с политикой конфиденциальности (*privacy policy tying*).

Отдельная проблема – оценка конкурентными органами того, как контроль и использование данных компаниями влияет на конкурентную динамику. Контроль данных – источник рыночной силы. Сложно оценить последствия слияния компаний с комплементарными базами данных, причем это справедливо как для объединения конкурирующих компаний, так и для слияния контролируемых важные источники данных компаний со сбытовыми компаниями, полагающимися на эти данные для развития своей деятельности. С учетом того, что данные играют роль и продукта, и фактора производства, а многосторонние компании монетизируют данные через их продажу, использование в целевой рекламе, создании новых услуг и продуктов, требуется оценка того, составляют ли данные самостоятельный рынок или нет. Если существует отдельный рынок, то требуются отдельные инструменты оценки условий конкуренции и рыночной силы в части продажи и покупки данных. Если нет, то необходимо формирование инструментария оценки рисков аккумуляции данных для конкуренции.

Структурные меры и ограничения не всегда подходят для регулирования слияний и неконкурентного поведения на цифровых рынках, поскольку они могут быть несовместимы с платформенными бизнес-моделями или иметь негативное влияние на потребителя. Меры корректировки поведения требуют тщательного надзора, а также координации с регулятором конкретного сектора. Конкурентные органы должны учитывать динамику спроса при выборе инструментов регулирования слияний и поведения участников цифрового рынка. Важно обеспечить баланс минимизации неопределенности и избыточного регулирования. Меры, направленные на спрос, должны учитывать возможность или преимущества их разработки и реализации в рамках политики защиты потребителя.

Кратко можно суммировать основные проблемы в рассматриваемой области следующим образом:

1. Конкурентное регулирование должно учитывать особенности бизнес-моделей участников цифрового рынка и не должно становиться барьером для развития конкуренции и инноваций. Проблемой является определение баланса между недостаточным и чрезмерным регулированием.
2. Инструменты анализа конкуренции, оценки рисков доминирования и ущерба должны адаптироваться к цифровому рынку, учитывать сетевые эффекты, особенности действия экстерналий, динамику инновационности, неценовую конкуренцию, отношения между сторонами экосистемы и между экосистемами.
3. Трудности связаны с оценкой стратегий слияния и поглощения, их влияния на конкуренцию и конгломерационных эффектов от слияний.
4. Отдельная проблема – оценка влияния аккумуляции баз данных при слиянии и поглощении и того, как контроль и использование агрегированных данных компаниями влияет на конкурентную динамику.
5. Структурные меры и ограничения не всегда подходят для регулирования слияний и неконкурентного поведения на цифровых рынках поскольку могут быть несовместимы с платформенными бизнес-моделями или иметь негативное влияние на потребителя.

Конкурентная политика может регулировать далеко не все аспекты. Например, вопросы защиты потребителя и платформенной занятости, лоббизма, лежат за пределами ее инструментария. Конкурентное законодательство не справляется, поскольку традиционные инструменты конкурентного регулирования не учитывают

особенности экономической структуры цифровых рынков, слишком сложные, медленные и конкретные. В этой связи появляются предложения по новому законодательству во многих юрисдикциях, включая ЕС, Великобританию, США.

3 Проблемы формирования нового регулирования с учетом особенностей функционирования цифровых платформ

Доминирующие глобальные платформы, обладая укорененной рыночной силой, контролируют выход на рынок, ценообразование и действуют в качестве «хранителей входа», обеспечивая свое положение стратегических участников рынка через контроль цифровой инфраструктуры, выявление потенциальных конкурентов, их покупку, копирование или другие варианты отрезания от рынка [16]. Платформы – хранители ворот могут создавать экосистемы, определять правила, нанося ущерб не только конкурентам, но и потребителям, обществу, экономике. Потенциальный экономический и социальный ущерб в результате концентрированной структуры цифровой экономики вызывает озабоченность регуляторов.

Инициативы по ex ante регулированию цифровых платформ призваны дополнить инструменты конкурентной политики с учетом структурных особенностей цифровой экономики. Различие между ex ante регулированием и конкурентным законодательством связано с особенностями провалов рынка, которые они призваны скорректировать. Цель конкурентного законодательства - предотвратить нелегитимное приобретение рыночной силы, а в случае высокой концентрации рыночной силы – контролировать ее использование, чтобы обеспечить реализацию преимуществ конкурентного рынка. Цель ex ante регулирования более широка и включает не только корректировку провалов рынка и обеспечение способности его максимально эффективного функционирования, но также и другие цели, такие как защиту прав, справедливое распределение, стандарты безопасности.

Конкурентное законодательство и регулирование могут быть альтернативными решениями, но могут и дополнять друг друга на практике. Для этого обсуждаются и создаются механизмы координации.

Есть точка зрения, что регулирование конкретно цифровых платформ избыточно и достаточно конкурентного законодательства и инструментов конкурентной политики [17]. Однако большинство экспертов считает, что ex ante регулирование может эффективней справиться с проблемами конкуренции, связанными с особенностями экономической структуры цифровых экосистем, обеспечивая состязательность, прозрачность и инновационность, а также гарантии соблюдения общественных интересов, выходящих за пределы исключительно экономических соображений [18].

Защита справедливой конкуренции – задача многих инициатив. Например, в преамбуле Акта о цифровых рынках ЕС отмечается необходимость обеспечения справедливых и более равных условий для всех игроков цифрового сектора в интересах использования потенциала роста цифровых платформ. Центральной задачей регуляторных инициатив является сдерживание способности доминирующих платформ использовать свою рыночную силу для ограничения или искажения конкуренции на своем или связанных рынках и предотвращение перетекания их доминирования на новые рынки [19].

Справедливость определяется как организация экономической деятельности на благо пользователей, чтобы они получали вознаграждение, соразмерное их вкладу в экономическое и социальное благополучие, а бизнес-пользователи не были ограничены в своей способности конкурировать [20].

Состязательность – реализация принципа открытого выбора – является важнейшей задачей большинства регуляторных инициатив, в том числе в ЕС и США [19]. Они направлены на предупреждение неконкурентного поведения, например предоставления услуг автоматическим использованием данных без возможности выбора, и предусматривают такие инструменты, как обеспечение интероперабельности, портативности данных, мультитихоуминга.

Большинство инициатив, в том числе Акт о цифровых рынках ЕС и законопроект о выборе и инновации онлайн США [21], также нацелены на стимулирование инноваций и обеспечение прозрачности.

Инициативы по ex ante регулированию руководствуются стремлением максимальной правовой определенности с минимальным количеством нюансов и двусмысленностей в толковании. Цель – минимизировать возможности для длительных разбирательств на основе количественных критериев (определения статуса компаний), определить правила поведения, ограничить возможности

регулируемых компаний защищать поведение, не соответствующее правилам, и обеспечить жесткие санкции в случае нарушения [19].

Одним из вопросов является выбор объектов регулирования. Например, предложение целевой группы по цифровым рынкам Великобритании (UK Digital Markets Taskforce) рассматривает в качестве объекта регулирования цифровые рынки в целом. Немецкое законодательство применяется к предприятиям, активным на многосторонних рынках [22]. Законопроекты США определяют три широкие категории онлайн-платформ [21]. Акт о цифровых рынках ЕС перечисляет ключевые платформенные услуги, предлагаемые платформами – хранителями входа бизнесу и конечным пользователям, учрежденным или находящимся в ЕС, независимо от места учреждения или резиденции платформы и независимо от другого права, применяемого к предоставлению услуги [23]. Такая конкретизация имеет свои преимущества и недостатки. Плюсом является то, что конкретизация создает правовую определенность в отношении платформ и характеристик, создающих риски. Минус в том, что она отражает текущие состояние конкуренции и структуру рынка, которые могут измениться в будущем.

Регуляторы используют разные определения и выбирают различные критерии применения, но в целом характерным является опора на три списка. Первый определяет, какие типы цифровой активности и услуги включены в регулирование. Второй – какие фирмы включены в регулирование. Третий – какие практики запрещены или требуются. Регулирование фокусируется на крупнейших компаниях, выявлении и определении конкретных услуг, количественных критериях идентификации регулируемых компаний. Количественные критерии различаются, но четко определяются, как показано в соответствующем разделе отчета.

Модели определения (идентификации) подлежащих регулированию фирм также могут быть разными. Так ЕС использует модель самооценки соответствия количественным и качественным критериям и нотификации в случае соответствия. Согласно предложениям США и Великобритании компетентные органы власти определяют статус компании, направляют ей решение и включают в список.

Выделяется несколько подходов к выбору институциональной модели. Среди них концентрирование компетенций в руках конкурентных органов (Германия, предложения Франции и Италии), распределение компетенций между конкурентными и еще несколькими органами (Федеральная торговая комиссия и Департамент

юстиции США), создание специализированного подразделения или структуры и форума ответственных органов (ЕС, Великобритания).

Ex ante регулирование может использовать модель, основанную на принципах (мягкий тип регулирования, предлагается в Великобритании) или модель, основанную на правилах, сформулированных как позитивные и негативные обязательства (жесткий тип регулирования ЕС).

Меры регулирования могут иметь запретительный, смягчающий или стимулирующий характер. Например, запретительные положения действуют в отношении поведения, имеющего эксплуатационный или исключаящий потенциал (*exploitative and exclusionary potential*), запрещение влияния на ценообразование бизнес-пользователей. Положения, направленные на смягчение эксплуатирующих практик через доступ к данным, могут включать обязательство по обеспечению эффективной портативности данных, обязательство по предоставлению данных третьим фирмам, меры по ограничению слияния данных с разных рынков и источников, меры по обеспечению интероперабельности. Положения, направленные на обеспечение прозрачности и справедливости бизнес-практик, включая требования по раскрытию информации, носят стимулирующий характер.

Ex ante регулирование устанавливает новые требования контроля за слияниями, учитывающие особенности цифровой экономики и практики платформ, например, введение правила уведомления обо всех транзакциях. Все инициативы предусматривают меры, применяемые в случае несоблюдения правил, в том числе, штрафы (размеры и процедуры наложения различаются), поведенческие и структурные меры (например, запрет на владение, контроль или бенефициарный интерес в бизнесе, связанном с платформой).

Ex ante регулирование развивается многими юрисдикциями, но существуют различия в подходах к выбору инструментов регулирования, в том числе в части определения ключевых концепций, масштабов запрещенного поведения, природы запрещений (как такового или в зависимости от анализа последствий).

Проблемы формирования ex ante регулирования касаются практически всех аспектов:

1. Обеспечение баланса между конкретизацией, в том числе, конкретизацией объекта регулирования и требований к поведению платформ, обеспечивающей предупреждение неконкурентного поведения, максимальную правовую определенность и минимизацию возможности

длительных разбирательств, и гибкостью, позволяющей сохранить возможность учета будущих изменений состояния конкуренции и структуры рынка. Так же, как для конкурентного законодательства, для ex ante регулирования необходим баланс между регулированием, основанном на принципах, и регулированием, основанном на правилах.

2. Выбор объекта регулирования (платформы или услуги) или сочетание подходов (платформы и услуги конкретных платформ). Большая конкретизация (ЕС) типов платформ и услуг не исключает возможность включения новых услуг в результате исследования рынка и одновременно создает большую правовую определенность. Большая степень обобщенности (США) снимает необходимость корректировки законодательства в будущем.

3. Определение количественных и качественных критериев подпадающих под регулирование платформ. Существует мнение, что целесообразно включение крупнейших платформ во избежание избыточной нагрузки на новичков и потенциальных инновационных участников рынка.

4. Решение по включению дополнительных качественных критериев. Дополнительные требования создают возможность включать в регулирование платформы, формально не соответствующие количественным критериям, на основе качественных критериев. Это важно для принятия решений относительно платформ с расплывчатыми структурами и связями между ними, где сложно вычленить ядро и есть риски фрагментации услуг. Однако такой подход может вести к потере преимуществ интегрированных экосистем для пользователя и ограничению конкуренции на рынках, где платформы являются новичками.

5. Выбор модели идентификации статуса (самооценка и нотификация или решение регулятора).

6. Выбор между мягким типом регулирования (без предписанных правил и запретов на основе кодексов поведения, на основе оценки конкретных случаев – модель Великобритании) и жестким (автоматическое применение требований к подпадающим под регулирование фирмам без права доказательства обоснованности поведения и его проконкурентного характера – модель ЕС) в значительной степени зависит от традиций юрисдикции. Промежуточный вариант предполагает предоставление возможности платформам права на защиту – доказательство того, что поведение было оправдано (Германия, США), при этом бремя доказательства лежит на платформе.

7. Решение по конкретным правилам и требованиям. Например, широкое запрещение влияния на ценообразование может быть более эффективно, чем запрещение применения платформами ограничений для бизнес-пользователей режимов наибольшего благоприятствования. В то же время требование портативности данных² целесообразно конкретизировать и распространять только на доминирующие компании³ и определенные типы данных (добровольно предоставляемые и наблюдаемые данные).⁴

8. Поиск баланса при определении мер наказания, поскольку более жесткие меры могут подавлять конкуренцию, а более мягкие могут способствовать концентрации рыночной силы и развитию монополизма, а также длительным разбирательствам, которые не идут на пользу конкуренции.

9. Определение правил слияний и поглощений и оценка их последствий. Например, решения по обязательной нотификации для всех слияний и поглощений компаний, подпадающих под регулирование, или только о транзакциях с определенным порогом стоимости, а также оценка последствий слияния баз данных для конкуренции и защиты данных. Оценка возможных барьеров входа и рисков для защиты данных в результате слияния баз данных должна осуществляться на основе конкретных фактов в каждом конкретном случае. Выбор инструментов смягчения последствий (например, поведенческие – отказ от объединения данных в общую базу или требование доступа к данным для конкурентов, требования портативности данных или структурные – изъятие базы) также должен учитывать последствия для конкуренции и защиты и удобства пользователя.

10. Обеспечение взаимодополняемости конкурентного законодательства и *ex ante* регулирования, в том числе через создание координационных платформ

11. Выбор институциональной модели: концентрирование компетенций в рамках конкурентных органов, распределение компетенций между конкурентными и

² Меры портативности данных могут быть различными. ОЭСР определяет портативность данных как специфическую форму обусловленного доступа к данным и обмена данными.

³ Требование портативности данных может нагнать избыточную нагрузку на бизнес, поэтому многие авторы считают, что должны быть исключения для не доминирующих компаний, или даже что требования портативности должны распространяться только на участников рынка, получивших доминирующее положение в результате неконкурентного поведения.

⁴ Нет четкого понимания, что предоставление данных обеспечит возможность переключения, снижение стоимости перехода от одного оператора к другому и барьеров для входа, но одновременно не повредит защите данных и конфиденциальности потребителя и стимулам инвестиций в сбор и обработку данных.

еще несколькими органами или создание специализированного подразделения или структуры и форума ответственных органов.

Выбор решения по каждой из перечисленных проблем определяется с учетом развития цифрового рынка и традиций регулирования юрисдикции и строится с учетом того, что ex ante регулирование цифровых платформ должно иметь три цели: снизить уровень неопределенности и повысить предсказуемость условий ведения бизнеса; снизить бремя судебных разбирательств, повысить эффективность правоприменения; повысить прозрачность и возможность выхода на рынок новых компаний.

4 Сотрудничество между различными органами

Сотрудничество между различными органами по регулированию платформ – очевидное условие эффективности регулирования. Связка между конкуренцией, защитой потребителя и защитой данных и конфиденциальности⁵ особенно важна с учетом центральной роли, которую играют данные в бизнес-модели платформ. Но здесь есть свои трудности.

Регулирование защиты данных и инструменты защиты конкуренции могут сопрягаться, при этом возникают проблемы обеспечения баланса между защитой данных и возможностью их использования для развития бизнеса и конкуренции. Данные пользователя, контекстуальные данные и аналитические данные используются для целевого или персонализированного рекламирования, совершенствования услуг, разработки новых продуктов. Соответственно платформы стремятся наращивать сбор, обрабатывать и использовать данные – предмет регулирования органов, ответственных за защиту данных.

Синергетические эффекты связаны с тем, что эффективная конкуренция способствует расширению возможностей выбора потребителя и защите данных. Контроль пользователя за данными смягчает ущерб от информационной асимметрии, способствует развитию конкуренции и ориентированных на защиту

⁵ Термины защита данных и защита конфиденциальности не взаимозаменяемые, а взаимодополняемые (комплементарные). Защита данных необходима для обеспечения права на конфиденциальность.

конфиденциальности моделей бизнеса, основанных на принципе защиты данных по дизайну и по умолчанию (data protection by design and by default). Меры, ограничивающие возможности компаний объединять данные, могут иметь позитивные синергетические эффекты для защиты данных, так как ограничивают обработку данных третьими лицами и создают условия для более равноправной конкуренции.

Возможные противоречия связаны, прежде всего, с тем, что меры конкурентной политики, направленные на обеспечения доступа к данным платформ-МСП и расширение обмена данными, могут нести риски для защиты данных. Соответственно такие меры должны быть «необходимы и пропорциональны, разработаны и реализованы в соответствии с требованиями защиты данных, а связанная с этим обработка данных осуществляться на основе принципов защиты данных by design and by default, не вести к незаконным и наносящим ущерб практикам» [24].

Существуют также риски интерпретация регулирования по защите данных для оправдания неконкурентного поведения. Например, если трансфер между различными частями одной корпорации рассматривается как приемлемый, а трансфер между независимыми компаниями неприемлемым, даже в случае, если осуществляется на тех же принципах и в соответствии с теми же стандартами. На практике такая интерпретация будет создавать стимулы для горизонтальной и вертикальной интеграции, концентрации рыночной силы и формирования барьеров для входа других компаний и развития конкуренции. Понятно, что трансфер данных как внутри корпорации, так и между отдельными компаниями должен осуществляться строго в соответствии с требованиями защиты данных, включая обеспечение прозрачности, справедливости, целевого использования, безопасности и минимизации сбора данных, контроль пользователя, безопасность и конфиденциальность.

Некоторые эксперты считают, что инструменты защиты потребителя работают намного эффективнее для защиты конфиденциальности, чем конкурентные законодательство и правоприменение [25]. Хотя многие страны успешно применяют также и конкурентные инструменты для защиты потребителя [26].

Регулирование преимущественно развивается на пересечении компетенций и сотрудничества органов, ответственных за конкуренцию, защиту потребителя и защиту данных, а также регуляторов ключевых секторов. Варианты кооперации – от

создания форумов, объединяющих ведомства до меморандумов о взаимопонимании и совместных планов работы.

Проблемы сотрудничества связаны с выбором решений и инструментов, обеспечивающих баланс между защитой потребителя, данных и конфиденциальности и условиями развития бизнеса и конкуренции, а также определением наиболее эффективных вариантов кооперации.

5 Вызовы трансграничного сотрудничества

Формирование регулирования цифровых платформ осуществляется на национальном уровне, в то время как деятельность платформ зачастую имеет трансграничный характер. С учетом транснационального характера платформ регулирование страны базирования будет иметь экстратерриториальный эффект, а различия в регулировании стран присутствия снижают качество услуг и увеличивают стоимость соблюдения регулирования для платформ. Глобальные корпорации легче справляются с различиями в регулировании и используют их в своих интересах. Существует консенсус относительно преимуществ согласованности регуляторных подходов, применяемых различными юрисдикциями. Качественное и прозрачное регулирование создает правовую определенность для платформ и их пользователей и формирует ожидания пользователей относительно услуг. Согласованность регуляторных подходов снимает озабоченности относительно протекционистских целей регулятора.

Несмотря на понимание преимуществ согласованности регуляторных подходов, применяемых различными юрисдикциями, сотрудничество начало развиваться относительно недавно, идет медленно и характеризуется фрагментарностью. Проблемы связаны с конкуренцией за влияние на регулирование ключевых факторов роста цифровой экономики (онлайн-платформ, трансграничных потоков данных и цифровой безопасности⁶) и формирование глобального цифрового управления в более широком контексте. В последние годы в экспертном сообществе и международных институтах выдвигаются различного рода инициативы, включая согласование минимальных международных норм и принципов и создание новых

⁶ Под цифровой безопасностью понимаются экономические и социальные аспекты кибербезопасности в отличие от технических аспектов, криминальных и национальной безопасности. Цифровая безопасность – это набор мер, направленных на управление цифровыми рисками для экономического и социального процветания.

Бреттон-Вудских институтов для управления открытым интернетом, данными, ИИ, цифровой экономикой [27].

В повестке «Группы двадцати» вопросы регулирования платформ не фигурируют, что вероятно связано со стагнацией цифровой повестки в «двадцатке» в целом и конкретных инициатив, например, по свободным потокам данных с доверием, в частности. Это также может быть связано с реализацией «Группой семи» стратегии продвижения своих подходов к регулированию цифровой экономики через углубление сотрудничества с единомышленниками для формирования согласованных и взаимодополняющих подходов, направленных на развитие конкуренции и поддержку инноваций на цифровых рынках в рамках «семерки» и ОЭСР, последующего продвижения своих стандартов и норм и формирования глобального цифрового порядка через международные институты. В условиях жесткого противостояния между членами «семерки»⁷ и странами с формирующимися экономиками реализация этой стратегии в «двадцатке» пока не реалистична. Но «семерка» движется к своей цели. В ходе председательства Великобритании «семерка» договорилась о координации политики по широкому кругу вопросов регулирования цифрового рынка. Конкурентные органы «семерки» приняли Компендиум подходов для совершенствования конкуренции на цифровых рынках. В 2022 г. работа была продолжена. По итогам был опубликован новый Компендиум. Компендиумы в основном отражают опыт обновления и применения инструментов конкурентного права и формирования ex ante регулирования, способствуют координации и углублению сотрудничества между конкурентными органами «семерки».

Одновременно ОЭСР продвигает себя в качестве ключевого форума для формирования глобальной рамки цифровой политики на основе своего исторического и институционального опыта, обширного нормативного и регуляторного фундамента и авторитета в сфере выработки коллективных норм и стандартов. Действительно, ОЭСР сформирован значительный потенциал регулирования по различным аспектам цифровой экономики. В 2022 г. ОЭСР приняты две новые декларации и 4 рекомендации. Хотя данные документы не регулируют платформы, они формируют среду их функционирования. Особенно показательны декларации, так как они

⁷ На двухстороннем уровне в июне 2021 г. был создан Совет ЕС-США по торговле и технологии (EU-US Trade and Technology Council), в мандат которого входит сотрудничество по регуляторной и правоприменительной практике на цифровых рынках.

отражают вектор развития политики стран-членов по формированию регулирования основных аспектов цифровой экономики.

Декларация о доверительном, устойчивом и инклюзивном цифровом будущем ставит цель создания глобальной рамки цифровой политики через формирование общего понимания и политических рекомендаций по различным аспектам цифровой трансформации, включая онлайн-платформы, иммерсивные среды, ИИ, свободные потоки данных с доверием, трансграничные потоки, цифровую безопасность, интеллектуальную собственность, конфиденциальность и защиту данных, коммуникационную и др. инфраструктуру. В части платформ Декларация формулирует общую задачу управления вызовами, которые представляют собой новые технологии и бизнес-модели, включая онлайн-платформы, через политику регулирования конкуренции, коммуникационных услуг, цифровой торговли, защиты данных и потребителя [28].

Декларация о доступе государственных органов к персональным данным частных компаний не упоминает платформы, но непосредственно их касается, так как формулирует положение о наделении национальных органов правоприменения и безопасности правом доступа к персональным данным частных компаний, к которым относятся и платформы, как неотъемлемого условия реализации суверенных обязанностей правительства. Правительства имеют право доступа и обработки персональных данных, находящихся в собственности или под контролем частных компаний на своей территории, в соответствии с их национальным законодательством, включая право в соответствии с национальным законодательством требовать предоставления данных, если частная компания или данные не находятся на территории государства. По сути, Декларацией закрепляется определяющий политику США в отношении обеспечения безопасности и свободы трансграничных потоков данных принцип экстерриториальности – доступа государства к данным как собираемым и хранящимся в границах страны, так и всем данным компаний, действующих на основе юрисдикции США за пределами границ страны, обеспечиваемый Федеральным законом 2001 года [29] и Федеральным законом 2018 года об облачных хранилищах [30].

При этом в Декларации прямо заявлено, что правительства стран-членов ОЭСР имеют такое право, поскольку их «подход к доступу реализуется в соответствии с демократическими ценностями, защитой конфиденциальности и другими правами и свободами, буквой закона, включая независимые судебные органы». Гарантией

приверженности верховенству права и выражением «общих демократических ценностей» должны являться сформулированные в декларации принципы: правовое основание, законность цели, получение одобрения, обработка уполномоченным лицом, прозрачность, надзор, возмещение ущерба. Одновременно страны-члены не признают право других государств на доступ к персональным данным частных компаний, считая их действия «независимо от контекста несоответствующими демократическим ценностям и праву, неограниченными, неоправданными, произвольными и непропорциональными» [31].

Можно выделить следующие проблемы трансграничного сотрудничества по регулированию платформ:

1. Несмотря на понимание преимуществ согласованности регулирования платформ, сотрудничество развивается медленно и характеризуется фрагментарностью вследствие конкуренции за влияние на регулирование цифровой экономики.
2. В повестке «Группы двадцати» вопросы регулирования платформ не фигурируют, в то время как «Группа семи» реализует стратегию углубления сотрудничества для формирования согласованных и взаимодополняющих подходов на цифровых рынках и последующего продвижения своих стандартов и норм через международные институты.
3. ОЭСР продвигается в качестве ключевого форума для формирования глобальной рамки цифровой политики. Использование ОЭСР в качестве площадки для выработки регулирования традиционно для «Группы семи». Последние документы ОЭСР формируют среду функционирования платформ в соответствии с вектором развития политики членов «семерки» по формированию регулирования основных аспектов цифровой экономики. Так, Декларация о доступе государственных органов к персональным данным частных компаний закрепляет для стран членов ОЭСР принцип экстерриториальности в отношении обеспечения безопасности и свободы трансграничных потоков данных. Одновременно страны-члены не признают право других государств на доступ к персональным данным частных компаний. По сути, формируется дискриминационное в отношении других государств регулирование потоков данных.

Заключение

Экосистемы управляют поведением граждан и бизнесов, при этом, сами не являясь полноценным объектом управления со стороны государства и общества.

Одна из центральных проблем регулирования – защита прав потребителя от так называемых серых схем, используемых для манипулирования и управления выбором пользователя, «выкачки» и монетизации данных. Требуется обновление инструментов защиты потребителя, законодательства по защите данных и конфиденциальности и принятие их *ex ante* регулирования цифровых платформ. Сочетание защиты данных, защиты потребителя и инструментов конкурентного регулирования определяет необходимость регуляторного сотрудничества и плюралистического подхода при выборе эффективных методов защиты потребителя. Стимулирование платформ на продвижение дружелюбной архитектуры выбора, саморегулирование бизнеса важны, но недостаточны.

Инструменты конкурентного регулирования требуют корректировки с учетом особенностей бизнес-моделей платформ и экосистем, включая изменение подходов к оценке доминирования для конкуренции и благополучия потребителя, индикаторов рисков доминирования и применения теорий ущерба; усиление контроля за слияниями и поглощениями, изменение правил нотификации для предупреждения неконкурентных поглощений; включение в оценку рисков цифровых аспектов, таких как влияние объединения баз данных на конкурентную динамику; возложение обязательства по доказательству ненанесения вреда конкуренции на участников слияния; оценку последствий структурных мер и ограничений для потребителя и их совместимость с платформенными бизнес-моделями. Важное значение имеет усиление цифровых инструментов и экспертизы конкурентных органов. Совершенствования конкурентной политики недостаточно, так как многие аспекты деятельности цифровых платформ лежат за пределами ее инструментария.

Ex ante регулирование цифровых платформ направлено на предупреждение неконкурентного поведения и обеспечение максимальной правовой определенности на основе количественных критериев определения статуса компаний, определения набора правил поведения, ограничения возможностей регулируемых компаний защищать поведение, не соответствующее правилам, и жестких санкций в случае нарушения. Трудности формирования *ex ante* регулирования включают, но не ограничиваются такими аспектами, как выбор объекта регулирования (платформы или услуги) или сочетание подходов; определение количественных и качественных

критериев подпадающих под регулирование платформ; решение по использованию дополнительных качественных критериев; выбор модели идентификации статуса (самооценка и нотификация или решение регулятора); выбор между мягким типом регулирования (без предписанных правил и запрещений на основе кодексов поведения и оценки конкретных случаев) и жестким (автоматическое применение требований к подпадающим под регулирование фирмам без права доказательства обоснованности поведения); поиск баланса при определении мер наказания; определение правил слияний и поглощений; обеспечение взаимодополняемости конкурентного законодательства и ex ante регулирования и выбор институциональной модели.

Проблемы межведомственного сотрудничества по регулированию платформ связаны с выбором решений и инструментов, обеспечивающих баланс между защитой потребителя, данных и конфиденциальности и условиями развития бизнеса и конкуренции, а также определением наиболее эффективных вариантов кооперации.

Проблемы международного сотрудничества по регулированию платформ определяются конкуренцией за влияние на регулирование цифровой экономики. В повестке «Группы двадцати» вопросы регулирования платформ не фигурируют, в то время как «Группа семи» реализует стратегию углубления сотрудничества для формирования согласованных подходов и последующего продвижения своих стандартов и норм через международные институты. ОЭСР позиционируется в качестве ключевого форума для формирования глобальной рамки цифровой политики. Последние документы ОЭСР формируют среду функционирования платформ в соответствии с вектором развития политики членов «семерки». Декларация о доступе государственных органов к персональным данным частных компаний закрепляет для стран-членов ОЭСР принцип экстерриториальности доступности в отношении обеспечения безопасности и свободы трансграничных потоков и формулирует дискриминационное регулирование в отношении других государств.

В условиях ограничения возможностей конструктивного сотрудничества со странами «Группы семи» и тенденций к формированию регулирования цифровых рынков на основе стандартов и норм «Группы семи» / ОЭСР особое значение приобретает координация стран-членов БРИКС по регулированию платформ и выработка общих позиций. Выявление общих проблем и лучших практик регулирования, в том числе в части обновления и применения инструментов защиты

потребителя, защиты данных и конфиденциальности, конкурентной политики, разработки ex ante регулирования стран-членов БРИКС, может стать шагом к выработке общих подходов и формирования Рекомендаций БРИКС по регулированию цифровых платформ.

*Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Strowel, Alain and Vergote, W. (2016). Digital Platforms: To Regulate or Not To Regulate? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/ucloouvain_et_universit_saint_louis_14044.pdf (дата обращения: 01.07.2023).
2. Nooren, P. et al. (2018). Should We Regulate Digital Platforms? A New Framework for Evaluating Policy Options, in Policy & Internet. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.ivir.nl/publicaties/download/Policy_and_Internet_2018.pdf (дата обращения: 01.07.2023).
3. Lanier, J. (2018). Ten arguments for deleting your social media accounts right now. Random House, New York.
4. Fletcher, A. et al. (2021). Consumer protection for online markets and large digital platforms (Digital Regulation Project - Policy Discussion Paper; No. 1). Yale University. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3923588> (дата обращения: 01.07.2023).
5. Costa, E. and Halpern, D. (2019). The behavioural science of online harm and manipulation, and what to do about it. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.bi.team/wp-content/uploads/2019/04/BIT_The-behavioural-science-of-online-harm-and-manipulation-and-what-to-do-about-it_Single.pdf (дата обращения: 01.07.2023).
6. Stigler Center for the Study of the Economy and the State (2019). Stigler Committee on Digital Platforms Final Report. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.chicagobooth.edu/-/media/research/stigler/pdfs/digital-platforms---committee-report---stigler-center.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).
7. Wachter, S. and Mittelstadt, B. (2019). A Right to Reasonable Inferences: Re-Thinking Data Protection Law in the Age of Big Data and AI // Columbia Business Law Review, 2019(2). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3248829 (дата обращения: 01.07.2023).
8. Gawer, A. (2021). Digital Platforms and Ecosystems: Remarks on the Dominant Organizational Forms of the Digital Age // Innovation: Organization & Management. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3900105> (дата обращения: 01.07.2023).

9. European Commission. Unfair commercial practices directive. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://commission.europa.eu/law/law-topic/consumer-protection-law/unfair-commercial-practices-law/unfair-commercial-practices-directive_en (дата обращения: 01.07.2023).
10. Federal Trade Commission. Federal Trade Commission Act. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/statutes/federal-trade-commission-act> (дата обращения: 01.07.2023).
11. UK Government (2008). The Consumer Protection from Unfair Trading Regulations 2008. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2008/1277/contents/made> (дата обращения: 01.07.2023).
12. OECD (2022). Rights in the digital age. Challenges and ways forward. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/deb707a8-en> (дата обращения: 01.07.2023).
13. Stemler, A., Perry, J. E. and Naugh, T. (2019). The Code of the Platform // 54 Georgia Law Review 605 (2020). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3385262> (дата обращения: 01.07.2023).
14. OECD (2022). OECD Handbook on Competition Policy in the Digital Age. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/daf/competition/oecd-handbook-on-competition-policy-in-the-digital-age.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).
15. OECD (2020). Abuse of Dominance in Digital Markets. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/daf/competition/abuse-of-dominance-in-digital-markets-2020.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).
16. OECD. Start-ups, killer acquisitions and merger control. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/daf/competition/start-ups-killer-acquisitions-and-merger-control.htm> (дата обращения: 01.07.2023).
17. C.D. Howe Institute Competition Policy Council (2021). Digital Platforms: Oversight if Necessary, but not Necessarily Regulation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cdhowe.org/sites/default/files/attachments/otherresearch/pdf/Communique_2021_0107_CPC.pdf (дата обращения: 01.07.2023).
18. Cappaï, M. and Colangelo, G. (2020). Taming digital gatekeepers: the more regulatory approach to antitrust law. Stanford-Vienna TTLF Working Paper No. 55.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3572629> (дата обращения: 01.07.2023).

19. Schnitzer, M., et al.. (2021). International Coherence in Digital Platform Regulation: An Economic Perspective on the US and EU Proposals. Digital Regulation Project - Policy Discussion Paper; No. 5. Yale University. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3923604> (дата обращения: 01.07.2023).

20. Crawford, G. et al. (2021). Fairness and Contestability in the Digital Markets Act. Digital Regulation Project. Policy Discussion Paper No. 3. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://tobin.yale.edu/sites/default/files/Fairness%20and%20Contestability%20in%20the%20DMA.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

21. US Congress (2022). H.R.3816 - American Innovation and Choice Online Act. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3816/text> (дата обращения: 01.07.2023).

22. German Federal Ministry of Justice (2022). Competition Act (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen – GWB). [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gwb/ (дата обращения: 01.07.2023).

23. European Parliament (2022). Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1925&from=EN> (дата обращения: 01.07.2023).

24. UK Government (2021). CMA-ICO joint statement on competition and data protection law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/cma-ico-joint-statement-on-competition-and-data-protection-law> (дата обращения: 01.07.2023).

25. Ohlhasusen, M. K. and Okuliar, A.P. (2015). Competition, Consumer Protection, and the Right [Approach] to Privacy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/686541/ohlhausenokuliaralj.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

26. OECD. OECD Digital Economy Papers. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/20716826> (дата обращения: 01.07.2023).

27. Fay, R. (2019). Digital Platforms Require a Global Governance Framework. Center for International Governance Innovation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cigionline.org/articles/digital-platforms-require-global-governance-framework/> (дата обращения: 01.07.2023).
28. OECD (2022). Declaration on a Trusted, Sustainable and Inclusive Digital Future. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0488> (дата обращения: 01.07.2023).
29. US Congress (2001). USA PATRIOT Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).
30. US Department of Justice (2018). The CLOUD Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.justice.gov/dag/cloudact> (дата обращения: 01.07.2023).
31. OECD (2022). Declaration on Government Access to Personal Data Held by Private Sector Entities. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0487> (дата обращения: 01.07.2023).